

ПОЕЗДКА В АВСТРАЛИЮ

В марте–апреле 2008 г. по приглашению Квинслендского университета (город Брисбен) состоялась моя научная командировка в Австралию. Ее цель — сбор необходимых материалов по исследованию истории русско-австралийских связей XIX–XX вв. и австралийской внешней политики XX в. В ходе поездки мне удалось поработать в библиотеке и архиве Квинслендского университета, в Австралийской национальной библиотеке в Канберре, в Музее Маклея в Сиднее. Некоторые из впечатлений академического характера, которые, очевидно, представляют определенный интерес для этнографов и историков-австраловедов, описаны в предлагаемых читателю заметках.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на обширную коллекцию документов по истории русско-австралийских связей в рукописном отделе библиотеки Квинслендского университета. В свое время она была собрана преподавателями этого университета, изучавшими историю отношений между Россией и Австралией, — докторами Эриком Фридом и Томасом Пулом. Коллекция, получившая название «Papers of Thomas Poole and Eric Fried», представляет собой громадную подборку — более 30 картонных ящиков — документов из австралийских и российских архивов, которые хронологически охватывают все 200 лет истории контактов России и Австралии. Разумеется, большая часть представленных документов — ксерокопии, но для российских исследователей, у которых, как правило, нет возможности бывать в архивах различных австралийских городов, особую ценность представляет то обстоятельство, что документы собраны в одном месте. В этой коллекции, однако, немало и подлинников: писем русских эмигрантов, оказавшихся в Австралии, воспоминаний этих людей, написанных по просьбе австралийских исследователей, всевозможных архивных справок. Собраны ксерокопии газет на русском и английском языках, издававшихся в начале XX в. русскими эмигрантами. Эти газеты в большинстве своем отсутствуют в библиотеках России. Оба австралийских историка, чьими усилиями собрана эта коллекция, работали также в российских архивах и библиотеках. Поэтому в собрании множество ксерокопий книг и статей на русском языке по истории русско-австралийских связей, а также значительное количество ксерокопий архивных документов из Архива внешней политики Российской империи в Москве и Российского государствен-

ного архива Военно-морского флота в Петербурге. Наибольшее количество материалов относится к первой четверти XX в. (до 1919 г.), что неудивительно, ибо именно в первые два десятилетия XX в. российская эмиграция в Австралии проявляла наибольшую активность. Русские эмигранты-революционеры участвовали в австралийском рабочем движении, содействуя его радикализации, а в 1919 г. русские стали инициаторами выступлений в поддержку Советской России, которые получили название «Бунты Красного флага» и сопровождались кровопролитием и столкновениями с полицией. Подробный обзор коллекции Пула–Фрида заслуживает, как представляется, отдельной публикации, поскольку никто из российских исследователей, которые когда-либо будут заниматься историей русской эмиграции и русскими радикалами в Австралии, не сможет обойтись без изучения документов из этого собрания.

Весьма интересным оказалось знакомство с материалами, собранными Н.Н. Миклухо-Маклаем и хранящимися ныне в Музее Маклея Сиднейского университета. Имя Уильяма Маклея (1820–1891) хорошо известно всем, кто изучал жизнь и деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая. У. Маклей — австралийский политический деятель и один из первых австралийских ученых-естествоиспытателей. С ним поддерживал дружеские отношения и даже некоторое время жил в его доме после приезда в Австралию в 1878 г. Н.Н. Миклухо-Маклай. Русский ученый работал с материалами частного зоологического музея У. Маклея. В свою очередь, зоологические материалы, собранные в Австралии Н.Н. Миклухо-Маклаем, пополняли коллекции австралийского естествоиспытателя. После смерти У. Маклея его зоологическое собрание было передано в Сиднейский университет. Позднее вдова Н.Н. Миклухо-Маклая Маргарет подарила музею Маклея сохраненные ею инструменты, которыми пользовался русский ученый для проведения зоологических исследований во время своих путешествий по странам Южных морей. Куратор Музея Маклея доктор Дж. Филп хорошо знает о научной деятельности нашего соотечественника, она любезно предоставила мне возможность познакомиться с экспонатами, имеющими отношение к Н.Н. Миклухо-Маклаю. Надо сказать, что австралийское наследие русского ученого представляет большой интерес в плане изучения не только его биографии или истории российской науки, но и русско-австралийских связей. При этом эпистолярное наследие Н.Н. Миклухо-Маклая, которое отражает его общественную и научную деятельность во время пребывания в Австралии и также в значительной своей части хранится в Сиднейском университете, уже в определенной степени изучено. Серьезные разыскания в архиве Сиднейского университета провел Д.Д. Тумаркин.

Обнаруженные им документальные материалы и письма Н.Н. Миклухо-Маклая вошли в шеститомное собрание сочинений ученого. Однако результаты естественно-научных, прежде всего зоологических, исследований Н.Н. Миклухо-Маклая в Австралии, материалы которых представлены в экспозиции Музея Маклая, все еще остаются практически неизученными.

К сожалению, мне не удалось попасть в здание Биологической станции, основанной Н.Н. Миклухо-Маклаем в Сиднее на берегу бухты Уотсонс-бей в 1881 г. Здание станции восстановлено, но оно находится в частной собственности и открыто для посетителей лишь один день в неделю.

Во время пребывания в Австралии нельзя было не заметить озабоченности австралийского общества проблемой сосуществования аборигенов и белых австралийцев. Эта проблема неизменно затрагивалась в беседах с представителями университетских и академических кругов. Разумеется, впечатления, вынесенные из такого рода разговоров, ни в коей мере не могут претендовать на репрезентативность, однако, как представляется, позволяют судить если не о самой проблеме взаимоотношений аборигенов и белых австралийцев, то, по крайней мере, об отношении к этой проблеме части образованного австралийского общества.

Надо сказать, что тема политики по отношению к аборигенам и будущего общины коренных жителей Австралии всегда вызывала смущение и некоторую неловкость моих австралийских собеседников. И дело тут отнюдь не в комплексе вины белых. Этот комплекс, несомненно, присутствует, но не он является главной причиной озабоченности австралийцев. Смущение вызывает то обстоятельство, что практически все испробованные варианты политики австралийского правительства по отношению к аборигенам терпят провал, и никто не знает, что и как следует делать дальше.

Известно, что до середины XX в. Австралия проводила по отношению к аборигенам политику протекционизма, стремясь отделить коренных жителей от белых пришельцев. На практике это означало открытую сегрегацию и лишение коренных жителей многих гражданских прав и свобод. В 1967 г. после общаустралийского референдума ограничения были отменены, и аборигенам были предоставлены те же права, которыми обладали белые австралийцы. При этом правительство перешло к курсу на ассимиляцию. Немалые деньги были выделены на создание системы образования и здравоохранения аборигенов, их приобщение к европейскому образу жизни. В широкую практику вошло усыновление детей аборигенов семьями белых. Поначалу казалось, что политика ас-

симилиации вполне успешна. Европейские блага, стиль жизни, развлечения стали весьма притягательными для значительной части аборигенов. Однако политика создания национальной, в данном случае аборигенской интеллектуальной элиты с неизбежностью привела к тому, что эта элита стала зачинателем национальных движений. В полной мере сказалась сила традиций, понятное стремление сохранить свою культуру, наконец, естественное нежелание подчиняться белым пришельцам. Появились общеавстралийские организации аборигенов, которые вместе с правозащитными организациями белых начали борьбу против «европеизации» коренного населения. Нередко те из аборигенов, кого усыновили, воспитали и дали образование белые семьи, подавали в суд на своих приемных родителей, обвиняя их в умышленном отрыве своих приемных детей от их национальных традиций.

В последней четверти XX в. правительство Австралийского Союза начало проводить по отношению к аборигенам политику мультикультурализма. Эта политика предусматривает предоставление государственной помощи национальным общинам страны, в том числе, разумеется, и общинам аборигенов, для сохранения их национальной культуры и самобытности. Мультикультурная политика нацелена на гармонизацию межнациональных отношений и обеспечение «мягкой», безболезненной интеграции как новых иммигрантов из Европы и Азии, так и коренных жителей пятого континента в англосаксонское, в своей основе австралийское общество. Федеральные власти и власти штатов поддерживают усилия общественных организаций аборигенов по изучению культуры и традиций, выделяют средства на образование на родных языках, здравоохранение, развитие художественных промыслов. Нельзя не признать, что политика мультикультурализма принесла определенные позитивные плоды. Результаты усилий по улучшению условий жизни аборигенов я имел возможность наблюдать в городе Армидейле — небольшом, примерно тридцатитысячном городке австралийской глубинки в штате Новый Южный Уэльс.

В окрестностях Армидейла и в самом городе живет довольно много аборигенов. Как и подавляющее большинство коренных жителей, живущих не на севере Австралии, аборигены Армидейла — полукровки. При этом процесс метизации интенсивно продолжается. Как мне говорили, у большинства девушек-аборигенок белые бойфренды, и это не вызывает никаких возражений со стороны их родителей. Выглядят армидейльские аборигены вполне цивилизованно. Молодые девушки по-европейски модно одеты, благоухают парфюмом и умело используют косметику. Пожилые аборигены одеты несколько менее аккуратно.

На меры по развитию благосостояния и культуры коренных жителей Армидейла и его округа выделяет деньги правительство штата, мэрия Армидейла и общественные организации самих аборигенов. В городе создан региональный культурный центр коренных жителей. Просторное и очень уютное одноэтажное здание с обязательным садиком и газоном. В саду предусмотрены места для игр и занятий с детьми. Центр имеет попечительский совет, который и решает, как тратить полученные деньги. Когда мы посещали этот центр, примерно два десятка детей-аборигенов, чисто одетых и ухоженных, с удовольствием играли под руководством аборигенов-учителей. Детей обучают традициям, верованиям и играм. Занятия проходят также со взрослыми. Центр координирует работу по изготовлению аборигенами художественных поделок; есть выставка работ коренных жителей, выполненных в русле древних традиций. Экспонаты этой выставки можно купить. В специальных помещениях представлены материалы небольшого музея по истории аборигенов и их взаимоотношений с белыми. Особо выделена борьба коренных жителей за свои права и рассказ о тех белых организациях, которые оказывают этой борьбе активное содействие. Обращает на себя внимание, что экспозиция о взаимоотношениях аборигенов и белых составлена таким образом, чтобы не противопоставлять эти две общины друг другу. Здесь, кстати, уместно отметить, что взвешенность и высокая степень правдивости экспозиций является одной из отличительных и, несомненно, привлекательных черт музеев Австралии. Так, в Австралийском национальном музее в Канберре, где представлены обширные материалы по этнографии аборигенов, истории их взаимоотношений с европейскими пришельцами и современному образу жизни, откровенно рассказывается и о том трагическом, что принесли белые коренным жителям Австралийского континента, и о том положительном, что было привнесено в их жизнь в последние десятилетия.

Однако политика мультикультурализма, которая, казалось бы, обеспечила движение общины аборигенов по пути прогресса при сохранении традиций и культуры коренных жителей, оказалась отнюдь не панацеей. Сказывается чрезвычайно глубокий и, как считали мои собеседники в Австралии, непреодолимый конфликт между традиционными ценностями аборигенов и нормами жизни белого общества.

Прежде всего дает о себе знать неустранимая тяга аборигенов к кочевому образу жизни в буше. Любой абориген реально ощущает себя частью природы, без нее он не представляет нормальной жизни. Об этом очень хорошо написала известная австралийская поэтесса-абориген Кэт Уокер:

Никто не смеет говорить, что прошлое мертво.

Оно вокруг нас, оно внутри нас...

Холодный вечер в доме городском,

И в кресле я уселась у камина,

По телу разливается тепло, я засыпаю,

Я далеко...

Горит костер в лесу,

Родное племя отдыхает,

Сидят — и я со всеми — на земле,

Стен — никаких,

Лишь звезды надо мною...

И электрический камин, и кресло.

Вчера явились вы на свет, не раньше,

Но тысячи костров в моей крови.

Никто не смеет говорить, что прошлое мертво!

(Цит. по: *Петриковская А.С.* Культура Австралии XIX–XX вв. М., 2007.

С. 139).

На практике такого рода мироощущение ведет к тому, что австралийские аборигены называют «walk about». Это когда отдельные семьи аборигенов неожиданно бросают жильё в городе и уходят в буш. Уходят не навсегда, рано или поздно возвращаются. Но из-за этого практически никто из детей не может получить полноценного образования. Ребенок исчезает из класса. Учителя идут к родителям — их тоже нет. Вся семья walk about. Когда вернутся, не знают ни соседи, ни они сами.

По словам моих респондентов, до сих пор у значительной части аборигенов не сформировалось четкого представления о собственности. Если у кого-то появились деньги — их раздадут родным и друзьям. Если нет — возьмут у друзей. С таким отношением к богатству очень трудно вести собственный успешный бизнес. В Сиднее одно из аборигенных обществ выкупило для коренных жителей целую улицу домов в центре города. Она состоит из двухэтажных особняков в викторианском колониальном стиле. Сопровождавший меня белый австралиец, припарковав машину на этой улице, тщательно ее закрыл и проверил, чтобы в салоне на сидениях ничего не оставалось. Обычно австралийцы так не поступают. На вопрос, к чему такие предосторожности, последовал ответ: «Аборигены могут взять, выломать стекло». В ответе совершенно не было заметно какого-либо раздражения. «Это что, воровство или что-то вроде протеста против богатства белых?» — последовал новый вопрос с моей стороны. «Ни то, ни другое, — такой же спокойный ответ. — Они просто не очень понимают, что это чужое. Им хочется иметь какую-либо

вещь, и они ее берут. А вообще, если аборигены не пьяные, то они очень дружелюбные люди».

Пьянство коренных жителей, практически повсеместное, — еще один бич, с которым белые австралийцы не знают, что делать. Запретить продажу алкоголя технически невозможно, и, кроме того, для белого австралийского общества немислимо пойти на законодательное нарушение прав человека. Пьянство нередко ведет к сексуальному насилию по отношению к малолетним в семьях аборигенов. Случаи такого рода вызывают эмоциональную реакцию среди других национальных общин страны. Об этом с яростью и чувством беспомощности говорили все, с кем обсуждалось положение коренных жителей Австралии. Пресечь аморальное, по понятиям белых, поведение и заставить аборигенов подчиняться законам государства очень трудно. Попытки такого рода сразу же встречают жесткое противодействие: «Вы, белые, не понимаете нашей культуры, вы навязываете свои порядки, вы не имеете права этого делать, поскольку и без того угнетали и истребляли нас 200 лет». Множество демагогов — и среди аборигенов, и среди белых — делают себе политическую карьеру, «отстаивая» погрязшие права коренных жителей Австралии.

Сложность проведения в жизнь сколько-нибудь последовательной политики в отношении аборигенов состоит еще и в том, что в Австралии нет никакой аборигенной нации, а есть конгломерат племен. И хотя процессы консолидации аборигенного общества в некий единый, пусть не в этническом, но в гражданском плане, народ идут, однако эти процессы находятся в зачаточном состоянии и ощутимы только в среде немногочисленной аборигенной интеллигенции. В реальном общении различных племен все еще заметны проявления трайбализма. В районе Армидейла, как мне рассказывали, живут три племени коренных жителей. Два из них всегда жили в окрестностях города, а третье откочевало сюда, впрочем, уже довольно давно, из района Сиднея. Представители всех трех племен не очень ладят друг с другом. При этом неприязнь проистекает не только и даже не столько из-за раздела денег и благ, которые они получают от правительства, сколько из-за споров о том, «чье племя лучше».

Все еще сохраняющаяся невозможность органично совместить традиции и культуру коренных жителей Австралии с нормами и реалиями белого общества, а также неясность, в каком направлении двигаться дальше, заметно угнетают австралийских интеллектуалов. И это противоречие, которое, возможно, чревато новыми внутривнутриполитическими конфликтами в Австралии, — одно из наиболее запоминающихся впечатлений о посещении этой страны в 2008 г.